

Published in the Russian Federation.

Russian Turkology (Previous Name: *Soviet Turkology*, was founded in 1970)

Has been issued as *Russian Turkology* since 2009; ISSN: 2079-9160; E-ISSN: 2712-8121
2022. № 3–4 (36–37), pp. 5–12. Journal homepage: <http://rostrurcology.ru/>

УДК/UDC: 81-0

DOI 10.37892/2079-9160-2022-3-4-1

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

ПРОБЛЕМЫ ЭВОЛЮЦИИ СТАРОУЗБЕКСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В ТРУДАХ Г.Ф.БЛАГОВОЙ¹

*Анна Владимировна Дыбо*¹

¹ Институт языкознания РАН, г. Москва, Россия
доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент РАН
ORCID: 0000-0002-6077-7183
Scopus ID: 53363351600
E-mail: adybo@iling-ran.ru

© ИЯз РАН, 2022

© Дыбо А.В., 2022

Аннотация: В статье анализируется становление системы склонения в карлукских тюркских литературных языках Центральной и Средней Азии, которое впоследствии привело к развитию староузбекской и узбекской системы. По мнению ученых, имеются основания для восстановления в пратюркском, так же как в праалтайском, двух типов склонения – именного и местоименного. В тюркских языках благодаря широко распространенной категории посессивности также развивается смешанный посессивно-именный тип склонения – под сильным влиянием местоименного типа, что приводит к перестройкам системы аффиксов во всех группах языков. В представленной работе подробно рассматриваются тюркские парадигмы склонения в зоне различия их типов. Представлено изменение пратюркской системы от раннепратюркского состояния к состояниям, восстанавливаемым для отдельных генетических групп тюркских языков.

Г.Ф. Благова придерживалась мнения, что при жанрово-дифференцированном подходе к анализу падежных форм, подразумевающим учет характера их текстового распределения в сочинениях Навои и Бабура, их можно рассматривать как продукт длительного одновременного воздействия двух факторов внешней лингвистики, а именно литературно-языковой традиции и регионального варьирования разнодиалектных форм. В этой связи показательно, что в стихотворных сочинениях обоих писателей среди словоформ дат. -а 1 л. ед. ч. наиболее частотны сугубо «поэтические» лексемы. В прозе же Бабура и фрагментах прозы Навои данные формы сравнительно редки. Однако в статье показано, что даже такой подход является доказательством того, что эти формы являются архаизмами, присущими предыдущей поэтической традиции.

¹ Статья приурочена к 95-летию юбилею Г.Ф. Благовой.

Ключевые слова: Г.Ф. Благова, языки Центральной и Средней Азии, система склонения, узбекский язык, староузбекский язык.

Для цитирования: Дыбо А.В. Проблемы эволюции староузбекского литературного языка в трудах Г.Ф. Благовой // Российская тюркология. 2022. № 3–4 (36–37). С. 5–12. DOI 10.37892/2079-9160-2022-3-4-1.

Issues of evolution of the Old Uzbek language in G.V. Blagova's works²

*Anna Vladimirovna Dybo*¹

¹ Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Dr. Habil. in Philology, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences
ORCID: 0000-0002-6077-7183
Scopus ID: 53363351600
E-mail: adybo@iling-ran.ru

© IL RAS, 2022

© Dybo A.V., 2022

Abstract: The article analyzes formation of the declension system in literary Turkic (first of all, Karluk) languages of Central Asia, which led to the development of the Old Uzbek and modern Uzbek systems. There are grounds for reconstructing two types of declension in Proto-Turkic, as well as in Proto-Altaiic, – a nominal and a pronominal one. In the Turkic languages, due to the well-developed category of possessiveness and under the strong influence of the pronominal type, a mixed possessive-nominal type of declension is also developing, and that is what leads to restructuring of the affix system in all language branches. In this work the Turkic declination paradigms in the zone of distinguishing between types of declination are examined in detail. The change of the Proto-Turkic system from the early-Turkic state to the states that are restored for individual genetic branches of the Turkic languages is also presented here.

G.F. Blagova was of the opinion that “with a genre-differentiated approach to the analysis of such forms, which implies taking into account the nature of their textual distribution in the works of Nava'i and Babur, they can be considered as a product of the long-term simultaneous development of two factors of external linguistics, namely the literary-linguistic tradition and regional variation of forms. In this regard, it is significant that in the poetic works of both writers, among the word forms with dative -A /1st person sg./ the most frequent are purely poetic lexemes... In the prosaic works of Babur and prosaic fragments by Nava'i, such forms are rare”.

But it is also shown that just such a listing proves the archaic nature of the aforesaid forms, inherent in the previous poetic tradition, in these texts.

Key words: G.F. Blagova, languages of Central Asia, declension system, the Uzbek language, Old Uzbek language

For citation: Dybo, A.V. 2022, The issues of evolution of the Old Uzbek language in G.V. Blagova's works, *Russian Turkology*, 3-4 (36–37), pp. 5–12. DOI 10.37892/2079-9160-2022-3-4-1.

Галина Федоровна Благова, ученица крупнейших российских тюркологов Н.К. Дмитриева, В.М. Насилова, Э.Н. Наджипа, Э.В. Севортяна, значительную часть своей научной деятельности посвятила изучению истории литературных языков Центральной и Средней Азии. Ее кандидатская диссертация, защищенная в 1954 г., была посвящена филологическому изучению главнейшего труда императора Бабур, его Записок «Бабур-наме». Этим Г.Ф. Благова продолжила надолго прервавшуюся в СССР традицию их научного исследования. В 1982 г. Г.Ф. Бла-

² The article is dedicated to the 95th anniversary of G.F. Blagova.

гова защитила выпущенную в виде монографии докторскую диссертацию «Тюркское склонение в ареально-историческом освещении». В этой работе она огромное место уделяет классификации типов падежных и падежно-посессивных парадигм в тюркских языках и прежде всего в литературных языках Средней Азии по памятникам различных эпох, в том числе пред-чагатайских и чагатайских. Она исследует соотношение в этих системах фактов, обусловленных литературными традициями, и влиянием живых народных тюркских языков, на которых говорили авторы и переписчики произведений в обыденной жизни.

В 90-е гг. она возвращается к изучению «Бабур-наме» и публикует монографию «Бабур-наме»: язык, прагматика текста, стиль. К истории чагатайского литературного языка (М.: Вост. лит. РАН, 1994). В этой работе поднято множество совершенно новых для текстологии памятников тюркских языков вопросов. На новом уровне возобновлено исследование текста и стратификация различных языковых явлений в этом выдающемся произведении.

Ниже мы рассмотрим одну из важных проблем, занимавших Галину Федоровну, – становление системы склонения в литературных языках Центральной и Средней Азии, которое привело к развитию староузбекской и узбекской системы.

После работы под руководством Э.Р. Тенишева над томом «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков. Региональные реконструкции» [СИГТЯ 2002] (где Галина Федоровна участвовала в написании карлукского раздела) у нас в исследовательской группе сложилось такое представление о происхождении тюркской падежной системы.

Имеются основания для восстановления в пратюркском, так же как в праалтайском, двух типов склонения – именного и местоименного. Местоименный тип характеризуется прежде всего наращением в косвенной основе элемента *-n* (тюркские, монгольские, тунгусо-маньчжурские языки). Кроме того, тюркский и монгольский материал позволяет восстановить по крайней мере два местоименных падежных аффикса, отличных от именных: *-I* аккузатива (определенного) и *-(j)A* датива. В тюркских языках благодаря широко распространившейся категории посессивности также развивается смешанный посессивно-именный тип склонения – под сильным влиянием местоименного типа, что приводит к перестройкам системы аффиксов во всех группах языков.

Рассмотрим внимательнее тюркские парадигмы склонения в зоне различения типов склонения.

В руническом тюркском мы имеем [Кононов 1980: 149; Gab. AG: 87–89]:

Парадигма	Именная		Посессивно-именная		Местоименная
	вокал.	консон.	1–2 л. ед. и мн. ч.	3 л. ед. и мн. ч.	
Род.	<i>-nIŋ</i>	<i>-Iŋ</i>	<i>-Iŋ</i>	<i>-nIŋ</i>	<i>bäniŋ, bunuŋ</i>
Вин.	<i>-G</i>	<i>-IG</i>	<i>-In</i>	<i>-n, -nI</i> (редко)	<i>bäni, bunı</i>
Дат.	<i>-KA</i>	<i>-KA</i>	<i>-A, -KA</i> (енис.)	<i>(-I)-ŋ-A</i>	<i>baŋa</i> (< <i>bän-Ga</i>), <i>*buŋa</i> (< <i>bun-Ga</i>)

Кроме того, имеется «дательный-предельный» *-jA* в наречных образованиях: *berije* ‘на юг / на юге / с южной стороны’, *qurıja* ‘сзади’. А. Габэн считает его поствокалическим вариантом *-A*. Но *-A* употребляется, строго говоря, только после посесс. аффикса 1 л. и, скорее всего, является аналогически вычлененным из форм типа *baŋa* ‘ко мне’, *iliŋä* ‘в его эль’, *ebiŋä* ‘в твое жилище’ (где произошла

ассимиляция начального гуттурального аффикса с конечным *-n* и *-ŋ* основы). В древнеуйгурском *-A* выступает еще при конечном гуттуральном основы: *adaqa*, *ögä*, *bija* [Gab. AG]. В новых языках, кроме огузской группы, о которой речь ниже, *-A* встречается в карлукской группе с тем же распределением, что в древнетюркском, в кыпчакских – в посессивно-именной парадигме и в Сибири – ср. в шорском – как вариант наряду с *-gA* в посессивно-именной парадигме и иногда как вариант наряду с *-gA* у существительных с основой на *-m*: *qorutya*, *qoruta* [Дыренкова 1941: 43, 50], что явно происходит под влиянием посессивно-именной парадигмы. Кроме того, в чувашском вообще отсутствует вариант на *-*KA*, представлены варианты *-A*, *-jA*, *-nA*, распределенные по фонетическому облику конца основы. Вариант *-nA*, употребительный после *a*, *e*, явно недавно выделился из склонения личных местоимений (*mana*, *sana*). В диалектах на его месте употребляется вариант *-jA*. Вариант *-A* – постконсонантный, а также употребляется после основ на *-u*, *-ü*, *-ь*, *-ə*, т. е. как раз с ним употребляются все формы с посессивными аффиксами (*-m*, *-u*, *-ü*, *-ь*, *-ə*) [Левитская 1976: 14, 18–20]. Похоже, что в чувашском мы видим такой же, как в древнетюркском, результат переразложения, первоначально закрепившийся в посессивно-именной парадигме, а афф. *-jA* следует возводить к пратюркскому состоянию (ср. о возможных алтайских параллелях: [EDAL 221]).

Показатель винительного *-nI* явно появляется из местоименного склонения (переразложение: местоименная косвенная основа + афф. *I*, характерный для местоименной парадигмы) довольно поздно, в руническом тюркском он редок в посессивно-именной парадигме, в древнеуйгурском начинает проникать в именную [Gab. AG: 88]. В чувашском его нет (поскольку падеж совпал с дательным), в якутском *-ni* – поствокальный вариант в именной парадигме и в 3 л. местоименной парадигмы. В посессивно-именной и в 1–2 л. местоименной используется афф. *-In*. Во всех остальных современных языках *-nI* – основной вариант аффикса винительного падежа (в огузских – поствокальный), кроме него (в не-огузских) имеется (часто как вариант) афф. *-(I)n* для посессивно-именной парадигмы 3 л. Только в огузской группе имеется еще именной афф. *-I*. NB: именно здесь он может быть фонетическим рефлексом *-Ig*. К позднепратюркскому (периода распада) состоянию приходится возводить три аффикса, распределенных по типам парадигм – местоименный *-I*, именной *-Ig* и *-In* посессивно-именной (ср. [СИГТЯ 1989: 94–95³]). Здесь мы не будем искать исчерпывающих объяснений этой ситуации, отметим только, что для двух из этих аффиксов имеются возможные алтайские сопоставления (*-*Ig*: ТМ паритив *-*ga* [Benzing 1956: 82], который в северо-тунгусо-маньчжурских языках имеет функцию выражения определенного объекта, японский посессив *ga* и, возможно, один из вариантов аффикса аккумулятива в монгольском, выступающий в именной парадигме *-*iyi*; *-*I*: монгольский показатель аккумулятива, выступающий в чистом виде при основах на *-n* и в местоименной парадигме и, по-видимому, давший показатель Gen.-Acc. *-ni* в южномонгольских языках). Для *-In* можно с некоторой натяжкой предположить первоначальное возникновение (в период, предшествовавший распаду общетюркского языка, возможно, в раннеобщетюркском; по чувашскому данных нет)

³ Мы не можем согласиться с [СИГТЯ 1989] в восстановлении афф. *-I* как постконсонантного варианта в именной парадигме – для этого нет оснований.

в форме 3 л. из местоименного аффикса с усечением (*at-în-î > atin*) и последующее распространение на формы 1 и 2 л. в руническом и протоякутском.

Аффикс родительного падежа *-nIŋ*, очевидно, возник в результате перераспределения местоименных форм уже в раннеобщетюркский период; исходный поствокальный вариант *-ŋ* обнаруживается только в чувашском [Левитская 1976: 17].

Итак, изменение пратюркской системы от раннепратюркского состояния к состояниям, восстанавливаемым для отдельных генетических групп тюркских языков, можно представить следующим образом:

I этап:

Раннепратюркское состояние

Падеж	вокал.	консон.	1–2 л. ед. и мн. ч.	3 л. ед. и мн. ч.	Местоименная
Род.	<i>-ŋ</i>	<i>-Uŋ</i>	<i>-Uŋ</i>	<i>(-I)-n-Uŋ</i>	<i>bä-n-iŋ, bu-n-uŋ</i>
Вин.	<i>-G</i>	<i>-IG</i>	<i>-In</i>	<i>(-I)-n</i>	<i>bä-n-i, bu-n-î</i>
Дат.	<i>-KA</i>	<i>-KA</i>	<i>-KA</i>	<i>(-I)-n-KA</i>	<i>bä-n-Ka, bu-n-Ka</i>
Дат.-пр.	<i>-jA</i>	<i>(-A?)</i>	?	?	?

После воздействия, собственно, болгарских процессов – фонетических процессов падения конечного *-z* в многосложных словоформах (см. [СИГТЯ 2002: 701]) и морфологического устранения одного из двух близких по значению падежей – возникает следующая прабулгарская система:

«Прачувашская» система

Парадигма	Именная		Посессивно-именная		Местоименная
	вокал.	консон.	1–2 л. ед. и мн. ч.	3 л. ед. и мн. ч.	
Род.	<i>-ŋ</i>	<i>-Uŋ</i>	<i>-Uŋ</i>	<i>-n-Uŋ</i>	<i>manun</i>
Вин.	<i>0</i>	<i>-I</i>	<i>-In</i>	<i>-n</i>	<i>manî</i>
Дат.	<i>-jA</i>	<i>(-A?)</i>	<i>-A</i>	<i>(-I)-n-A</i>	<i>mana</i>

Далее в результате простых фонетических развитий и устранения системно дефектной (в которой один из алломорфов совпадает по выражению с основным падежом) строки парадигмы, в силу чего возникает синкретизм винительного падежа, а также аналогического перераспределения морфологически обусловленных алломорфов окончаний по фонетическим позициям мы получаем современную чувашскую систему (см. [СИГТЯ 2002: 740]).

Остальные тюркские языки пошли по несколько иному пути.

II этап:

«Общетюркская»⁴ система

Парадигма	Именная		Посессивно-именная		Местоименная
	вокал.	консон.	1–2 л. ед. и мн. ч.	3 л. ед. и мн. ч.	
Род.	<i>-nUŋ</i>	<i>-Uŋ</i>	<i>-Uŋ</i>	<i>-n-Uŋ</i>	<i>bäniŋ, bunuŋ</i>
Вин.	<i>-G</i>	<i>-IG</i>	<i>-In</i>	<i>-n</i>	<i>bäni, bunî</i>
Дат.	<i>-KA</i>	<i>-KA</i>	<i>-A</i>	<i>-ŋ-A</i>	<i>baŋa, buŋa</i>
Дат.-пред.	<i>-jA</i>	<i>(-A?)</i>	?	?	?

⁴ В смысле А. Рона-Таша, т. е. оставшаяся после отделения болгарской группы.

Руническая система

Парадигма	Именная		Посессивно-именная		Местоименная
	вокал.	консон.	1–2 л. ед. и мн. ч.	3 л. ед. и мн. ч.	
Род.	-nUŋ	-Uŋ	-Uŋ	-n-Uŋ	bäniŋ, bunuŋ
Вин.	-G	-IG	-In	-n	bäni, bunī
Дат.	-KA	-KA	-A	-n-gA	baŋa, buŋa
Местн.	-TA	-TA	-TA	-ŋ-TA	
Абл.	-TIn	-TIn	-TIn	-n-TIn	

Древнеуйгурская система [Erdal 2004]

Парадигма	Именная		Посессивно-именная		Местоименная
	вокал.	консон.	1–2 л. ед. и мн. ч.	3 л. ед. и мн. ч.	
Род.	-nUŋ	-Uŋ	-Uŋ	-n-Uŋ	mäniŋ, munuŋ
Вин.	-G, -nI	-IG	-In, -nI	-n	mäni, muni
Дат.	-KA	-KA	-A, -KA (огр.)	-n-gA	maŋa, muŋa
Местн.	-TA	-TA	-TA	-ŋ-TA	
Абл.	-TIn	-TIn	-TIn	-n-TIn	(-Tan огр.)

Кутадгу Билиг

Парадигма	Именная		Посессивно-именная		Местоименная
	вокал.	консон.	1–2 л. ед. и мн. ч.	3 л. ед. и мн. ч.	
Род.	-nUŋ	-nUŋ	-nUŋ	-n-Uŋ	mäniŋ, munuŋ
Вин.	-G, -nI	-IG, -nI	-nI (-I)	-n, -nI (чаще)	mäni, muni (-G)
Дат.	-KA	-KA	-KA (-A)	-n-gA	maŋa, muŋa
Местн.	-TA	-TA	-TA	-ŋ-TA	(mäniŋdä)
Абл.	TIn/TAn	-TIn/TAn	TIn/TAn	-n-TIn	(mäniŋdin)

-G, как авторская форма Юсуфа Баласагунского, не свойственная живому языку, употребляется в литературных клише, а также для рифмы, в том числе в местоименном склонении. Точно так же, в основном в рифмах, использовано варьирование окончаний вин. п. 3 л. -n, -nI.

Махмуд Кашгарский

Парадигма	Именная		Посессивно-именная		Местоименная
	вокал.	консон.	1–2 л. ед. и мн. ч.	3 л. ед. и мн. ч.	
Род.	-nUŋ	-nUŋ	-nUŋ	-n-Uŋ	mäniŋ, munuŋ
Вин.	-G, -nI	-IG, -nI	-In, -nI, -I (огр.)	-n, -(nI редко)	mäni, muni
Дат.	-KA	-KA	-KA, -A, (огр.)	-n-gA	maŋa, muŋa
Местн.	-TA	-TA	-TA	-ŋ-TA	
Абл.	-TIn	-TIn	-TIn	-n-TIn	(-Tan)

Ахмед Югнаки, Атабату л-хакаи (XIII в.)

Парадигма	Именная	Посессивно-именная		Местоименная
		1–2 л. ед. и мн. ч.	3 л. ед. и мн. ч.	
Род.	<i>-nIη</i>	<i>-nIη</i>	<i>-n-Iη</i>	<i>(n)-Iη</i>
Вин.	<i>-nI</i>	<i>-nI, -I</i>	<i>-n, -nI</i>	<i>(n)-I</i>
Дат.	<i>-KA</i>	<i>-KA, -A</i>	<i>-n-gA, KA</i>	<i>(n)-gA, (n)-A</i>
Местн.	<i>-TA</i>	<i>-TA</i>	<i>-n-TA, TA</i>	
Абл.	<i>-TIn</i>	<i>-TIn</i>	<i>-n-TIn, TIn</i>	

Здесь появляются уже инновационные, собственно, карлукские формы, свойственные староузбекскому языку.

Г.Ф. Благова считает, что формы с *-n-* – это «инодиалектные» формы, но, видимо, их можно рассматривать как архаичные, присущие более раннему литературному языку другого типа.

Поэтический язык 1-й пол. XV в.: Лютфи, Атаи, Амири, Сайид Ахмад

Парадигма	Именная	Посессивно-именная		Местоименная
		1–2 л. ед. и мн. ч.	3 л. ед. и мн. ч.	
Род.	<i>-nIη</i>	<i>-nIη</i>	<i>-n-Iη</i>	<i>(n)-Iη</i>
Вин.	<i>-nI</i>	<i>-nI, -I</i>	<i>-n, -nI</i>	<i>(n)-I</i>
Дат.	<i>-KA, -A</i>	<i>-KA, -A</i>	<i>-n-gA, -n-A, -KA</i>	<i>(n)-gA, (n)-A</i>
Местн.	<i>-TA</i>	<i>-TA</i>	<i>-n-TA, TA</i>	
Абл.	<i>-TIn</i>	<i>-TIn</i>	<i>-n-TIn, TIn</i>	

Язык Навои и Бабура (2-я пол. XV–XVI вв.)

Парадигма	Именная	Посессивно-именная		Местоименная
		1–2 л. ед. и мн. ч.	3 л. ед. и мн. ч.	
Род.	<i>-nIη</i>	<i>-nIη</i>	<i>-n-Iη</i>	<i>(n)-Iη</i>
Вин.	<i>-nI</i>	<i>-nI, -I</i>	<i>-nI, (-n)</i>	<i>(n)-I</i>
Дат.	<i>-KA</i>	<i>-KA, -A</i>	<i>-KA, (n)A</i>	<i>(n)-gA, (n)-A</i>
Местн.	<i>-TA</i>	<i>-TA</i>	<i>-TA</i>	
Абл.	<i>-TIn</i>	<i>-TIn</i>	<i>-TIn</i>	

«При жанрово-дифференцированном подходе к анализу подобных форм, подразумевающим учет характера их текстового распределения в сочинениях Навои и Бабура, их можно рассматривать как продукт длительного одновременного воздействия двух факторов внешней лингвистики, а именно литературно-языковой традиции и регионального варьирования разнодиалектных форм. В этой связи показательно, что в стихотворных сочинениях обоих писателей среди словоформ дат. *-a* 1 лица ед. ч. наиболее частотны сугубо “поэтические” лексемы (...) В прозаических сочинениях Бабура и прозаических фрагментах Навои такие формы единичны» [Благова 1982: 168].

Но как раз такое перечисление доказывает, что эти формы – архаизм в данном тексте, присущий предыдущей поэтической традиции.

Литература

- Благова 1982 – *Благова Г.Ф.* Тюркское склонение в ареально-историческом освещении. – М.: Наука, 1982. {*G.F. Blagova. Turkic declension in the light of areal and historical data. – Moscow: Nauka, 1982.*}
- Благова 1994 – *Благова Г.Ф.* «Бабур-наме»: язык, прагматика текста, стиль. К истории чагатайского литературного языка. – М.: Вост. лит. РАН, 1994. {*G.F. Blagova. The “Bāburnāma”: language, pragmatic aspects, style. On history of Chagatai literary language. – Moscow: Vostochnaya literatura RAS, 1994.*}
- Дыренкова 1941 – *Дыренкова Н.П.* Грамматика шорского языка. – М.–Л., 1941. {*N.P. Dyrenkova. Grammar of the Shor language. – Moscow–Leningrad, 1941.*}
- Кононов 1980 – *Кононов А.Н.* Грамматика языка тюркских рунических памятников VII–IX вв. – Л., 1980. {*A.N. Kononov. Grammar of the language of Turkic runic monuments of the 7th–9th centuries. – Leningrad, 1980.*}
- Левитская 1976 – *Левитская Л.С.* Историческая морфология чувашского языка. – М., 1976. {*L.S. Levitskaya. A historical morphology of the Chuvash language. – Moscow, 1976.*}
- СИГТЯ 1989– Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Морфология. – М., 1989. {*A comparative and historical grammar of the Turkic languages: Morphology. – Moscow, 1989.*}
- СИГТЯ 2002– Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Региональные реконструкции. – М., 2002. {*A comparative and historical grammar of the Turkic languages: Regional reconstructions. – Moscow, 2002.*}
- Erdal 2004 – *Erdal M.* A grammar of Old Turkic. [Грамматика древнетюркского языка.] – Leiden: Brill, 2004. – 576 p.
- Gab. AG – *Gabain A. von.* Alttürkische Grammatik. [Грамматика древнетюркского языка.] – 2. Aufl. – Leipzig, 1950.
- Schönig 1992 – *Schönig C.* Analogie als sprachbildende Kraft in den Türksprachen // Laut- und Wortgeschichte der Türksprachen. [История фонетики и лексики тюркских языков.] – Wiesbaden, 1995.